

К 90-летию со дня рождения Ираклия Андроникова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН

Независимая газета. — 1998. — 29 сент. — с. 7

Матвей Гейзер

ДРЕВО знаменитого грузинского княжеского рода Андроникашвили восходит к династии византийских императоров Андроников, последним из которых был Комен. О нем упоминает Осип Манделштам в стихотворении, посвященном княжне Саломее Николаевне Андрониковой, родной тетке Ираклия Андроникова:

*Дочь Андроника Комена,
Византийской славы дочь!
Помоги мне в эту ночь
Солнце выручить из плена,
Помоги мне пышность тлена
Стройной песней превозмочь,
Дочь Андроника Комена,
Византийской славы дочь!*

Потомок грузинского княжеского рода появился на свет в Петербурге, где в университете получил юридическое образование его отец Луарсаб Николаевич Андроникашвили. Сын бедного отставного капитана царской армии, он родился в глухой кахетинской деревне Ожи близ Телави. Попасть из Ожи в столичный университет — дело непростое, а Луарсаб после университета еще продолжал образование за рубежом. Ему предлагали работу в Петербурге, в Москве, но он считал необходимым служить своему народу на грузинской земле. Читал лекции в Тифлисском университете, но главным его делом была политическая адвокатура. Он защищал батумских рабочих в знаменитом деле батумской демонстрации 1902 г., сыграл знаменитую роль в оправдании матросов Черноморского флота, выступивших с политическими требованиями, в 1906 г. защищал участников ростовского восстания. Во всех этих процессах он участвовал не только бескорыстно, но и затрачивая собственные средства на поездки и подготовку документов. О его ораторском искусстве ходили легенды.

Незаурядные дарования Луарсаба Андроникашвили послужили причиной его знакомства с за-

мечательной петербургской семьей Гуревичей.

Глава семьи — Яков Григорьевич Гуревич — выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, был основателем знаменитых женских Бестужевских курсов. Гостями дома бывали Салтыков-Щедрин, Яков Полонский, адвокат Кони, с которым был знаком Луарсаб Андроникашвили.

Так Луарсаб познакомился со своей будущей женой Екатериной Яковлевной. У них родилось два сына: старший — Ираклий и младший — Элефтер.

Ираклий увлекался всем. В своей «Телефонной книжке» писатель Евгений Шварц писал: «В Ираклии трудно было обнаружить единое целое (это относится к юному Ираклию. — М.Г.), он все менял форму, струился, как туман или дым. От этого трудно было схватить его отношение к окружающим. И он страдал. Его водили к гипнотизеру, чтобы излечить нервы...» Как ни странно, это лечение дало толчок к развитию артистического таланта. Он так хорошо изображал лечащих его докторов, что для слушателей своих стал сам волшебником-гипнотизером.

По рекомендации Евгения Шварца он оказался на должности секретаря редакции детского журнала «Еж». Но, увы, — «не мог он двух слов связать... Он сидел над коротенькой заметкой в четверть странички долго, как над стихами... Он не мог обойтись без чужой оболочки, сказать хоть два слова от себя...» — писал Маршак.

Много лет спустя мнение Маршака по поводу литературных способностей Андроникова изменилось. Однажды он сказал: «Тебе обязательно надо попробовать писать, я думаю, у тебя получится».

Автор этих строк имел счастье видеть и слышать Андроникова не только на сцене, но и в маленькой комнатке на Профсоюзной улице в доме вдовы Михоэлса Анастасии Павловны. 9 августа 1973 г. Анастасия Павловна пригласила меня и актера Семена Михайловича Хмару «на Андроникова».

К Анастасии Павловне мы пришли ровно в назначенное время. Но велико было наше удивление, когда мы еще за дверью квартиры услышали зычный голос Андроникова. Он рассказывал что-то о Михоэлсе и Фалееве, о том, как они разыгрывали друг друга в купе поезда Москва—Ленинград. Какое-то время мы слушали этот «концерт» за дверью, но шум лифта нарушил его прелесть, и мы позвонили. Открылась дверь, и я впервые увидел Ираклия Андроникова без света рампы. Он встал, чтобы поздороваться с нами, и я поймал себя на мысли, что это вовсе не тот человек, которого я не раз видел на сцене. Невысокого роста, полноват, выглядел, моложе своих лет. Одет был подчеркнуто элегантно.

Павел Михайлович стал вспоминать о выступлениях молодого Андроникова в старом ЦДРИ в Пименовском переулке, и тут в разговор вступил сам Ираклий Луарсабович: «А знаете, Павел Михайлович, я ведь графиню Потockую, замечательную Анастезию (это не опечатка! — М.Г.) Павловну помню знаете с какого дня? — с 9 августа 1935 года, когда в Пименовский переулок Солломон Михайлович пришел с ней на мое выступление. Я тогда показывал Соллертинского в разных ролях. Солломон Михайлович и Анастасия Павловна так слушали меня, что мне хотелось

рассказывать только им. Я видел, с какой добротой и непосредственностью слушают меня Солломон Михайлович и красивая молодая женщина, сидящая рядом с ним. Что это его жена, я узнал в тот же вечер, но немногим позже...»

В тот день я узнал, что большая дружба Михоэлса и Андроникова началась на почве Лермонтова — тогда в ГОСЕТе ставили «Испанцев», Михоэлс пригласил Ираклия Андроникова в качестве консультанта. Ираклий Луарсабович вспомнил, что во время их беседы о будущем спектакле Михоэлс попросил его прочесть самое любимое стихотворение Лермонтова, на что Андроников сказал: «Нам тогда придется сидеть здесь до утра», а потом все же прочитал:

*Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем...*

В 1925 г., когда Ираклий был студентом Ленинградского университета, он познакомился с Борисом Михайловичем Эйхенбаумом, лучшим, непревзойденным лермонтоведом. («Его жизнь — это Лермонтов», — скажет о своем учителе Андроников). Эйхенбаум и привлек Андроникова к подготовке академического издания собрания сочинений Лермонтова. В 1936 г. Андроников опубликовал свою первую работу о Лермонтове в «Трудах Тбилисского университета». В 1937 г. Андроников пишет монографию «Лермонтов в Грузии», в 1959 г. — публикует свою замечательную работу о творчестве раннего Лермонтова, по ней был создан фильм «Загадки Н.Ф.И.». Никому до Андроникова не удавалось так «популярно» и вместе с тем так научно поведать о ранних стихах Лермонтова. Работа Андроникова «Лермонтов. Исследования и находки» была удостоена Государственной премии в 1967 г.

Корней Иванович Чуковский написал в своих дневниках: «...Я был на вечере Ираклия Андроникова в Союзе писателей. Он — гениален. Абсолютно художественный вкус». Может ли быть похвала выше этой?